

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

© 2014 г. Д. В. Качурин

Статья посвящена лексикографической проблеме подачи в толковых словарях неоднозначных лексических единиц (омонимов и многозначных слов); в ней разрабатывается идея градуальности шкалы “полисемия – омонимия” (на примере рядов значений, семантические изменения внутри которых вызваны экстралингвистическими причинами) и предлагаются способы отражения этой градуальности в толковых словарях.

The article is devoted to the lexicographical problem of presentation of ambiguous lexical items (homonyms and polysemantic words) in defining dictionaries; the article elaborates on the idea of the gradual-scale “polysemy – homonymy” (on the example of different sets of meanings, within which the semantic shifts occur for extra-linguistic reasons); the ways to reflect such spectrums of meaning in defining dictionaries are also offered.

Ключевые слова: семантика, значение, омонимия, полисемия, толковый словарь, экстралингвистический фактор.

Key words: semantic, meaning, homonymy, polysemy, explanatory dictionary, extra-linguistic factors.

В относительно новых и даже новейших исследованиях указывается, что проблема омонимии по-прежнему разработана значительно слабее, чем проблемы синонимии и антонимии [1, с. 6], что до сих пор нет чётких критериев разграничения омонимии и полисемии [2, с. 41].

Кроме того, нерешённость вопроса о семантических границах слова в лексикологии пагубно сказывается и на лексикографической практике, на что неоднократно указывали разные исследователи (см. [3, с. 93–94], [4, с. 38, 40], [5, с. 10] и др.). Мы произвели количественный сравнительный анализ двух массивов слов, полученных методом сплошной выборки из двух современных толковых словарей русского языка – [6] (далее везде – СШ) и [7] (далее везде – БТС)¹. Полное единодушие составителей словарей с точки зрения трактовки тех или иных рядов значений в пользу омонимии или полисемии обнаруживается лишь в 71% случаев.

¹ Каждый ряд значений, включённых в выборку, характеризуется обязательным наличием следующих признаков: 1) содержит только имена существительные; 2) хотя бы одно из слов ряда является морфемно нечленимым; 3) все значения ряда присутствуют в каждом из толковых словарей; 4) хотя бы один из толковых словарей подаёт значения этого ряда как значения омонимов.

Подходы к решению проблемы разграничения омонимии и полисемии, предлагавшиеся разными исследователями, многочисленны и разнообразны. В рамках данной статьи позволим себе ограничиться их простым перечислением.

Сторонники историко-этимологического подхода (см. [8], [4, с. 69, 80, 83]) считали правильным распространять термин “омонимия” только на слова, формальное совпадение которых является случайным (*брак* ‘супружество’ – *брак* ‘изъян’), а те значения, которые когда-то принадлежали одному слову, даже при значительном семантическом расхождении, считать значениями одного полисеманта (*колода* ‘бревно’ – *колода* ‘комплект карт’).

При различиях в словоизменительных парадигмах (*час/часы I* ‘единица измерения времени’ – / *часы II* ‘прибор для измерения времени’) предлагалось констатировать омонимию, даже несмотря на семантическое сходство [9, с. 30], [10, с. 6].

О разных словообразовательных дериватах и различиях в синтаксической и лексической сочетаемости как о показателях омонимии говорили, например, М.Г. Арсеньева [11, с. 26], Л.А. Новиков [12, с. 102] (на этом основании слова *козёл* ‘животное’ и *козёл* ‘гимнастический снаряд’ омо-

нимы, поскольку только от первого из них возможен дериват *козлийный*).

Разная морфемная членимость (*завод* ‘предприятие’ – *за-вод-Ø* ‘действие по глаголу *заводить*’) рассматривалась как стопроцентная гарантия омонимических отношений Л.А. Новиковым [12, с. 97], О.С. Ахмановой [13, с. 113], Л.Л. Кутиной [4, с. 56] и др.

Совпадение синонимических (и антонимических) рядов признавалось показателем многозначности Ш. Балли [14, с. 34], Е. М. Галкиной-Федорук [15], Н. К. Жученко [16, с. 86]. Согласно этому критерию, в сочетаниях *гнездо птицы* и *гнездо человека* употреблено одно слово в разных значениях (общий синоним – *жилище*), а в сочетаниях *золотой ключ* и *из земли бьёт ключ* – слова-омонимы (разные синонимы *отмычка* и *родник*).

Поднимался вопрос и о возможности использования перевода сомнительных единиц на другие языки [17]: согласно такому подходу, *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’ – омонимы, потому что первое переводится на английский язык *key*, а второе – *spring*.

Д.Н. Шмелёв считал, что употребление различных значений одного слова позиционно обусловлено контекстом, чего нельзя сказать об омонимах [18, с. 75].

Неоднократно звучала мысль о том, что возможность каламбурного использования характеризует только члены омонимической пары, но не значения одного слова (*брак* ‘супружество’ и *брак* ‘изъян’ – омонимы, потому что возможен каламбур *хорошую вещь браком не назовут*) (см., например, [8, с. 35]).

В.П. Тимофеевым и А.А. Уфимцевой предлагался критерий отнесённости слова к разным объектам действительности как конституирующий омонимию (*фрукт* ‘плод’ и *фрукт* ‘человек’ – омонимы, поскольку называют не связанные друг с другом в реальности объекты) [19, с. 80].

Не раз говорилось и о комбинированном подходе: [20, с. 88], [21, с. 23], [10, с. 16] и др.

Большинство лексикологов склоняется к использованию собственно семантического критерия: при наличии семантических связей между значениями следует говорить о полисемии, при отсутствии таковых – об омонимии. Так, Ю.Д. Апресян считает, что “...связь между значениями ощущается говорящими тогда, когда общая часть этих значений неэлементарна... Такую общую часть мы будем называть нетривиальной, и наличие ее будем считать обязательным для многозначности...” [22, с. 184].

Мы также считаем правильным руководствоваться в лексикографической практике именно семантическим критерием по трём причинам. Во-первых, ни один из других приведённых критериев не обладает свойством универсальности (не может быть применён абсолютно ко всем спорным случаям). Во-вторых, при использовании любого из этих критериев ряд решений о статусе тех или иных единиц будет противоречить интуитивным представлениям о тех же единицах (скажем, *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’ – омонимы, несмотря на то что имеют один и тот же адъективный дериват – *ключевой*; *дом* ‘постройка’ и *дом* ‘жилище’ – значения одного слова, хотя имеют разные дериваты: *домовый* и *домовитый* соответственно). Наконец, в-третьих, следует помнить о том, что мы рассматриваем решение лексикографической, а не лексикологической проблемы. На то, что один и тот же вопрос может по-разному решаться в лексикологии и в лексикографии, что подача того или иного материала в словаре не всегда соответствует выводам, полученным в собственно теоретическом, лексикологическом русле, неоднократно указывали разные исследователи (см., например, [23, с. 27–28], [24, с. 111]). Потому, на наш взгляд, в одной словарной статье (то есть как многозначное слово) должно подаваться то, что для читателя имеет больше общего, чем различного, а учитывая, что речь идёт о толковом словаре, семантическое тождество следует признать важнее формально-грамматических различий.

Однако такой вывод и решение пользоваться семантическим критерием в качестве основного при решении рассматриваемой проблемы вызывают два серьёзных возражения. В первую очередь (и такое возражение чаще всего выдвигали сторонники историко-этимологического подхода), любое решение исследователя по конкретной паре значений (связаны они или нет?) априори субъективно и отражает речевой опыт лишь данного исследователя, который может не соответствовать как речевому опыту рядового носителя языка, так и речевому опыту другого исследователя (видимо, это и является одной из причин разногласия в толковых словарях – см. выше). Во-вторых, семантическая связь между двумя значениями может не просто наличествовать или отсутствовать, но она бывает едва ощутимой, заметной, очевидной, довольно прочной, слабой и т.д., в то время как в словарях есть в принципе два способа подачи: значения подаются в одной словарной статье (многозначность) или в разных (омонимия).

Не имея возможности в рамках данной статьи обстоятельно ответить на первое возражение,

заметим лишь, что, на наш взгляд, при всей его справедливости и обоснованности, его нельзя считать непреодолимым: чтобы устранить (или, по крайней мере, минимизировать) субъективность в принятии того или иного решения, свои собственные выводы о семантической связи в той или иной паре значений исследователю следует проверять показаниями языкового сознания рядовых носителей языка (данный подход, правда, для достижения несколько иных целей, активно практикуется представителями мотивологического направления; см. [25], [26], [27]).

Что касается второго возражения, то на нём мы остановимся подробнее.

Анна А. Зализняк отмечает, что “одним из итогов развития семантической теории за последние 20 лет является осознание ограниченности дискретного подхода к описанию многозначности” [28, с. 105].

Под “дискретным” следует понимать такой подход, при котором теоретически возможны только два решения: либо многозначность есть, либо её нет (и во втором случае мы имеем дело с омонимией). Из идеи недискретности явления многозначности прямо следует другая идея – идея недискретности омонимии, поскольку то, что является “не совсем полисемантом”, представляет собой и “не совсем омоним”. Именно поэтому мы будем говорить о шкале “полисемия – омонимия”.

Действительно, многие исследователи отмечали объективное существование градуальной шкалы “полисемия – омонимия” (см. [29, с. 114], [4, с. 90], [10, с. 7], [18, с. 87], [30] и мн. др.).

Однако теоретическое, собственно лексикологическое признание наличия подобной шкалы не снимает главного в этой области лексикографического вопроса: как подавать переходные случаи в толковых словарях? На практике обнаруживается несоответствие между теоретической недискретностью явления и лексикографической традицией “дискретной” подачи материала (либо одна словарная статья с многозначным словом, либо две с омонимиями).

На этот “диссонанс” между реальным положением вещей и его лексикографическим описанием указывал, например, Л.А. Новиков, отмечавший, что “составление словарей невозможно без проведения чёткого, определённого разграничения полисемии и омонимии, между тем как в самом языке не всё определённо” (см. [12, с. 93]; см. также [31, с. 83]).

Думается, что в рамках одной и той же точки зрения могут уживаться два столь, казалось бы, противоречивых убеждения только при условии своеобразного понимания указанной шкалы, при котором нет случаев “нечто среднее между омонимом и полисемантом”, но есть случаи “в большей степени омоним” и “в большей степени полисемант”. То есть на градуальной шкале появляется условная дискретная граница, по одну сторону от которой – только многозначные слова, по другую – омонимы, хотя и те и другие могут находиться на разных расстояниях от этой границы.

И Л.А. Новиков последователен в том, что, признавая отсутствие чёткой определённости в языке, он, тем не менее, предлагал формальные критерии, которые в каждом конкретном случае давали в общем-то однозначный ответ относительно статуса рассматриваемых единиц, хотя некоторые из них и были “периферийными” для того или иного класса. Причины, по которым данная точка зрения не может быть принята нами, были названы выше. Тем не менее, нам кажется весьма плодотворной сама идея Л.А. Новикова: “Одна из самых трудных и важных задач при изучении омонимии состоит в том, чтобы определить тенденцию развития её переходных случаев и дать относительно определённый ответ для лексикографии” [12, с. 93].

Дело в том, что составителю словаря очень важно понять, есть ли какой-то закон (или хотя бы закономерность), какое-то правило, согласно которому он мог бы принимать решение по статусу конкретно взятой пары значений исходя из факта отнесённости этой пары значений к какому-то классу (то есть те самые “тенденции”, о которых говорил Л.А. Новиков). Естественно предположить, что сила семантической связи в той или иной паре значений может зависеть от причин возникновения этой неоднозначности (семантическое развитие исконного полисеманта, случайное формальное совпадение исходно разных единиц, отсутствие промежуточного семантического звена (то есть некоего третьего значения, которое когда-то соотносилось с каждым из рассматриваемых двух и опосредовало связь между ними) и пр.).

Исходя из этой рабочей гипотезы, мы считаем целесообразным распределить неоднозначные единицы на группы в зависимости от причин возникновения омонимии, оценить методом интроспекции, полагаясь на собственный языковой опыт, среднюю семантическую дистанцию между парами значений в каждой из групп и расположить их, таким образом, на обсуждаемой шкале.

Если картина окажется довольно стройной и каждая группа займёт на этой шкале более или менее определённое место, можно будет говорить о том, что есть смысл остаться в рамках действующей лексикографической традиции и продолжать давать слова в толковых словарях либо как омонимы, либо как полисеманты, без введения всяких “промежуточных” способов подачи. Вопрос, где проводить в этом случае грань, разделяющую группы омонимов и полисемантов, всё равно остался бы довольно трудным, однако всё же в большей степени техническим и методическим, допускающим введение некоей “договорённости” типа «группа X и все группы “правее” её на шкале – омонимия, всё, что “левее” – полисемия». Если же эта попытка не будет иметь успеха и мы обнаружим сильную дисперсию разных представителей одного и того же класса омонимов по шкале, мы будем вынуждены, во-первых, констатировать необходимость отдельного рассмотрения каждого спорного случая и вынесения каждый раз отдельного вердикта, не распространяемого на другой, даже и похожий, случай; во-вторых, признать “дискретный” способ трактовки спорных случаев в толковых словарях несостоятельным, не отражающим реальной языковой картины, а потому требующим модификаций.

В качестве примера рассмотрим группу неоднозначных рядов, в каждом из которых семантическая дистанция между значениями увеличилась вследствие влияния экстралингвистических факторов (изменилась сама реалья, денотат, соотносимый с тем или иным значением).

Логически обоснованной кажется следующая теоретическая предпосылка: в этих парах сознание рядового носителя русского языка практически не имеет шансов усмотреть связь между двумя явлениями просто в силу банальной нехватки информации энциклопедического характера, и если, скажем, отсутствующее значение (но при существующем денотате) обыденное языковое сознание ещё может реконструировать, то воссоздать сам денотат – едва ли. “Сема существует в единице, пока она обозначает нечто, обладающее соответственной различительной чертой, – отмечает В.Г. Гак, – если же данная единица прилагается к чему-то, не имеющему данной черты, то соответствующая сема устраняется” [32, с. 25]. А утрата семы, в свою очередь, ведёт к разрыву связи между значениями.

Когда мы обращаемся к конкретным языковым примерам такого рода, то обнаруживаем, что в целом такое теоретическое предположение находит подтверждение, однако нельзя говорить о том, что

имеет место некий непреложный закон, согласно которому в случае действия экстралингвистических причин распад семантического тождества слова обязателен. Для иллюстрации этого положения приведём примеры выделенных нами омонимических рядов, члены которых семантически соотносятся менее тесно, чем на более ранних этапах: *дача*¹ (от *давать*) – *дача*² ‘загородный дом’ (изначально *дача*² давалась за какие-то заслуги, и это значение было, таким образом, гипонимом по отношению к тому, которое сейчас включает в себе *дача*¹); *двор*¹ ‘участок земли при доме’ – *двор*² ‘монарх и его окружение’ (вероятно, перенос осуществлялся в феодальную или близкую к ней эпоху, когда право на власть было тесно связано с земельным владением); *лавка*¹ ‘скамья’ – *лавка*² ‘торговое место’ (когда-то *лавка*¹ была обязательным атрибутом *лавки*²); *опока*¹ ‘рама для земляных литейных форм’ – *опока*² ‘горная порода’ (с развитием технологий *опока*¹ стала изготавливаться не только из *опоки*²); *палата*¹ ‘богатое помещение; комната в больнице’ – *палата*² ‘госучреждение, представительный орган’ (изначально совет по важным делам проводился в царской *палате*¹); *перо*¹ ‘роговое образование кожи у птиц’ – *перо*² ‘орудие для писания чернилами’ (*перо*¹ уже давно не служит материалом для изготовления *пера*²); *прокат*¹ ‘предоставление чего-либо во временное пользование’ – *прокат*² (от *прокатывать*) (первоначально в *прокат*¹ давалась только колёсная техника, которую можно было в буквальном смысле *прокатить*); *чубук*¹ ‘курильная трубка’ – *чубук*² ‘черенок винограда’ (*чубук*¹ сейчас делается не только из *чубука*² и даже не только из дерева) и т.п.

Несмотря на то, что в каждом названном случае имело место влияние экстралингвистических факторов, мы считаем, что оно не везде привело к окончательному распаду семантического тождества слова и образованию омонимов. В омонимических рядах *дача*^{1,2}, *лавка*^{1,2}, *опока*^{1,2}, *прокат*^{1,2}, пожалуй, и впрямь можно говорить об абсолютной омонимии: реконструкция семантических связей внутри этих рядов будет надуманной и невозможна без обращения к диахроническим сведениям, к привлечению материала энциклопедического характера, касающегося истории предметов. Однако мы не можем быть столь категоричными в констатации омонимии в паре *чубук*^{1,2}, поскольку в ней возможно реконструировать мотивационную связь без обращения к энциклопедическим историческим данным: несмотря на то что *чубук*¹ может быть изготовлен и не из *чубука*², он остаётся похожим на него по форме (правда, нельзя сказать, что это очень яркое, разительное сходство).

Особо стоит отметить ряды *двор*^{1,2}, *палата*^{1,2} и *перо*^{1,2}. Первый из них характерен тем, что исторически здесь совершился перенос, очень похожий на тот, который произошёл в семантической структуре слова *дом*: ‘жилище’ (*построить новый дом*) – ‘царский род’ (*дом Романовых*). Однако если в последнем случае большинство составителей толковых словарей фиксирует многозначность (значения размещены в одной словарной статье), то значения слова *двор* ‘участок земли при доме’ и ‘монарх и его окружение’ подаются в разных словарных статьях как значения слов-омонимов. Несмотря на сходство семантических переносов, вряд ли в данном случае можно говорить о непоследовательности авторов словарей. Значение ‘царский род’ было образовано не напрямую от значения ‘жилище’, а от “промежуточного” значения ‘семья’, которое отсутствует у слова *двор*. Тем не менее, вполне возможна реконструкция этого значения, с учётом которой цепь семантических переносов могла бы принять такой вид: ‘участок земли при доме’ – ‘семья, которой он принадлежит (в том числе царская)’ – ‘семья и её ближайшее окружение’ (последнее может относиться только к царской семье, поскольку традиция приближения к себе и консолидации с кем-либо не из своего рода более характерна для правящей монархической верхушки, нежели, скажем, для простого крестьянского хозяйства).

Тем не менее, препятствует объединению рассматриваемых значений в одно слово ещё одно обстоятельство, причём тоже экстралингвистического характера: в связи с процессами урбанизации, распространением городского образа жизни и городских построек сам денотат, обозначаемый словом *двор*¹, существенно видоизменился и перестал относиться к одной семье, восприниматься как её владение. Сейчас *двор*¹ – это скорее пространство, окружённое многоквартирными домами, а потому восстановление второго, и без того “умозрительного”, звена представляется проблематичным.

В ряду *перо*^{1,2} семантические отношения могут быть обнаружены и восстановлены значительно более легко, чем в только что рассмотренной паре. Подходя к анализу развития семантики слова *перо* с диахронических позиций, Р.А. Будагов справедливо отмечал, что с исчезновением из обихода гусиных перьев и появлением металлических “изогнутая металлическая пластинка стала выполнять ту же функцию” и, “выходя из употребления в качестве орудия письма, гусиное перо передало своё название новому... предмету” [33, с. 33]. Естественным логическим продолжением такого рассуждения должен был

бы стать вывод об омонимии рассматриваемых единиц, поскольку в современном языке метафорическому переносу по функции “неоткуда происходить”. Однако мы считаем констатацию омонимии в данной паре очень сомнительным решением сразу по двум причинам.

Во-первых, несмотря на то, что гусиные перья действительно давно вышли из употребления как инструмент письма, на наш взгляд, преждевременно говорить о том, что рядовой носитель языка не может себе представить гусиное перо в такой ипостаси и что для этого нужны какие-то особые, выходящие за рамки средней начитанности знания. Данный предмет ещё не покинул культурного контекста и встречается, среди прочего, в произведениях различных направлений искусства (живопись, литература, кино и т.д.). Иными словами, хотя рядовой носитель языка никогда не пользовался гусиным пером для письма, он знает о том, что им пользовались раньше. То есть в языковом сознании ещё присутствует звено, позволяющее объединить *перо* ‘роговой нарост на коже птицы’ и *перо* ‘инструмент для письма’ (см. аналогичные рассуждения в [34, с. 479]).

Кроме того, даже если принять в качестве рабочей гипотезы утверждение, что знание этого обстоятельства (что раньше писали гусиными перьями) доступно только специалистам и недоступно рядовому носителю, то и в этом случае говорить об омонимии преждевременно: несмотря на отсутствие функционального переноса, остаётся актуальным внешнее сходство предметов. Нам кажется слишком категоричным заявление Р.А. Будагова, что “металлическое перо совсем не похоже на гусиное перо” [33, с. 33]: два рассматриваемых предмета похожи как минимум заострённостью и продолговатостью. Вообще говоря, оснований усматривать семантический перенос между этими значениями не меньше, чем между значениями ‘роговой нарост на коже птицы’ и ‘стреловидный лист лука’, однако ни один из словарей не фиксирует последнее как значение слова-омонима, и, на наш взгляд, проявлением последовательности было бы отнесение значения ‘инструмент для письма’ к тому же слову.

В подтверждение справедливости нашего вывода приведём также данные, полученные нами в результате опроса 30 респондентов (которыми стали выпускники и студенты филологических факультетов, не являющиеся, однако, профессиональными исследователями). Подавляющее большинство опрошенных, отвечая на вопрос, есть ли основания для того, чтобы ‘металлический инструмент для письма’ называть так же,

как и ‘роговой нарост на теле птицы’, ответило утвердительно, при этом число реакций, в которых обращается внимание на внешнее сходство, приблизительно равно числу реакций, в которых фигурирует упоминание о том, что *перо*¹, так же как и *перо*², использовалось для письма (в некоторых случаях респонденты приводили сразу обе мотивировки). Кроме того, сила такой семантической связи (“ненадуманность трактовки”) каждый раз оценивалась самим респондентом максимально или почти максимально высоко (то есть семантическая связь очевидна для опрошенного).

Аналогичные рассуждения могут быть отнесены и к паре *палата*^{1,2}, правда, со значительно меньшей категоричностью и большей условностью. Во-первых, довольно легко предположить, что именно в царских *палатах*¹ происходило обсуждение каких-то важных государственных вопросов, то есть, по существу, деятельность, осуществляемая сейчас *палатой*². Во-вторых, возможна и иная семантическая мотивация: ‘помещение в царском дворце’ – ‘вообще большое помещение, в котором присутствует некая структура власти’ – ‘сама эта структура, госучреждение, его сотрудники’.

С некоторой долей условности сюда же можно отнести пару значений ‘орган для распознавания вкуса’ и ‘речь’ слова *язык* (в отличие от только что рассмотренных случаев, *язык*¹ продолжает оставаться главным “инструментом” для создания *языка*², хотя уже перестал быть единственным средством создания речи, утратил своё “монопольное” в этом смысле положение: ср., например, *язык жестов*). Нельзя сказать, что процесс “омонимизации” в семантической структуре этого слова завершён или близок к завершению. Однако о том, что он имеет место, пусть и в начальной своей стадии, свидетельствуют сразу несколько фактов. Помимо указанной экстралингвистической причины, мы можем отметить также собственно семантическую: каждое из этих значений “обросло” пучком производных: ‘кушанье из такого органа’, ‘часть колокола’ ‘что-либо вытянутой формы (*языки пламени*)’, с одной стороны, и ‘чей-либо стиль (*язык Чернышевского*)’, ‘способность говорить (*лишиться языка*)’ ‘пленный, захваченный для получения сведений’ (*захватить языка*)’ – с другой. Поэтому и связь между *языком-органом* и *языком-речью* кажется менее плотной в том числе и благодаря “невыгодному” фону, в роли которого выступают приведённые производные значения, тесно связанные со своими производящими.

Кроме того, разница между указанными пучками на аксиологическом и бытийно-концеп-

туальном уровнях колоссальна: если первая группировка значений относится к лексико-тематической группе ‘части тела’, слово в этих значениях называет конкретные предметы, то вторая группировка называет бытийно важный, предельно абстрактный (за исключением значения ‘пленник’), намного труднее определяемый феномен, и аксиологическая пропасть между этими двумя значениями огромна, вследствие чего второе значение стремится к автономности.

Наконец, слово в этих двух значениях имеет разные адъективные дериваты: *языковый* (от *язык* ‘орган’; например, *языковая колбаса*) и *языковой* (от *язык* ‘речь’; например, *языковой барьер*).

Судя по всему, именно ввиду наличия этого комплекса причин (экстралингвистических, семасиологических, концептуально-аксиологических и формально-грамматических), некоторые толковые словари подают *язык* как два омонима (в частности, СШ). Мы, однако, склоняемся к тому, чтобы говорить здесь о полисемии (хотя и с безусловной тенденцией к омонимизации) по причине наличия главного конституирующего многозначность признака – семантической мотивации первого значения вторым по модели “инструмент – то, что им создаётся”, ср.: *сцепление* ‘действие по глаголу *сцепить*’ – ‘деталь машины’, *скрепка* ‘действие по глаголу *скрепить*’ – ‘канцелярская принадлежность’; примеры взяты из [3, с. 195].

Следует отметить, что влияние (причём довольно сильное) экстралингвистических факторов на процесс развития омонимии может отмечаться и в тех рядах, которые относятся к другим группам, в частности – в лексических рядах, оба члена которых заимствованы из одного и того же языка и восходят к одному этимону.

Так, пара *роль*¹ ‘образ, воплощаемый актёром; текст для актёра’ (от лат. *rotulus* ‘бумажный свиток для актёров’) – *роль*² ‘свёрток цилиндрической формы’ (от нем. *Rolle*, которое также восходит к латинскому источнику), несомненно, является омонимичной в русском языке. На первый взгляд может показаться, что так произошло вследствие того, что в русском отсутствует родственное каждому из этих омонимов слово (корень) с общим значением ‘круглый’, каковое имелось в латинском (*rotundus*). Однако истинная причина в данном случае, на наш взгляд, лежит в принципиально иной, как раз экстралингвистической, плоскости.

Скорее всего, эти слова так и остались бы омонимами, даже если в русский язык перешло бы и более общее значение ‘нечто круглое’, потому

что роли для актёров уже давно не пишутся на свитках, и слово *роль*¹, таким образом, всё равно не имело бы семантической связи ни со словом *роль*², ни со значением ‘нечто круглое; круглый’. С другой стороны, если бы роли для актёров продолжали создаваться на свитках, то значение слова *роль*¹ могло бы мотивироваться значением слова *роль*² (или наоборот, что в данном случае непринципиально) без всяких промежуточных звеньев (вроде ‘нечто круглое’) на основании внешнего сходства.

В силу экстралингвистических причин нельзя усмотреть семантической связи и между омонимами *фараон* ‘египетский правитель’ – *фараон* ‘карточная игра’. В этом случае точно известно, что второе значение появилось у слова довольно поздно, в одном из западноевропейских языков (вероятнее всего, во французском), а этим языком слово в первом значении было заимствовано, так же как и русским языком, из греческого. Потому нет необходимости анализировать семантику этимона в греческом и древнеегипетском языках, а лучше обратить внимание на развитие семантики в том самом западноевропейском языке, в котором и появилось у слова второе значение для номинации зародившейся карточной игры.

Разные источники указывают на то, что червонный король в колоде французских карт изображался в виде фараона. Однако цепочка семантических трансформаций ‘египетский правитель’ – ‘карточный король, изображённый в виде египетского правителя’ – ‘определённая карточная игра, в которой задействована такая карта’ всё равно представляется странной, поскольку в этой карточной игре участвуют 36 карт, и червонный король (“фараон”) никакими особыми функциями не наделён, поэтому признак номинации выглядит более чем сомнительным. Логично предположить, что в той языковой общности, в которой возникло это значение, в данной игре червонный король выполнял какую-то особую функцию (подобную, например, той, которую в русской версии игры играет пиковая дама), и по этой наиболее “функционально нагруженной” карте была названа и вся игра. Если это действительно так, то мы вправе говорить, таким образом, сразу о двух экстралингвистических моментах, обуславливающих наличие семантической связи в языке-источнике и её отсутствие в русском: особое изображение червонного короля и особая роль этой карты в “исконном” варианте этой игры. Если же нет – для нас остаётся непонятным принцип номинации в языке-источнике, однако первый из двух названных факторов всё равно остаётся в силе.

То же самое можно сказать и о паре омонимов *мумия*¹ ‘забальзамированный труп’ – *мумия*² ‘краска’. Оба слова восходят к араб. *tumija* ‘воск’, и предположительно краска была названа так потому, что первоначально извлекалась из мумий (независимо от того, имел ли место подобный способ добычи краски или нет, мы всё равно вправе говорить об экстралингвистическом факторе, поскольку бытовавшее предположение, что такой способ существовал, уже само по себе является экстралингвистическим моментом). Однако сейчас такой способ не используется (и предположение “не бытует”), и *мумия*² добывается совершенно другими путями, так что и в этом случае мы констатируем омонимию.

Изменения в неязыковой действительности привели к образованию пары омонимов *тост*¹ ‘застольная речь’ – *тост*² ‘ломтик хлеба’. Эти слова были заимствованы из английского языка, в котором они, в свою очередь, восходят к латинскому *tostus* ‘ломтик хлеба’: первоначально в английской культуре произнесение речи за столом сопровождалось обычаем ставить перед выступающим с речью стакан воды и поджаренный кусок хлеба. Так случилось, что тот компонент ситуации, по которому метонимически получила название сама ситуация, утратился, а другой (правда, в несколько видоизменённой форме: произнесение тоста сопровождается сейчас наличием не воды, а скорее какого-либо алкогольного напитка) сохранился, в результате чего связь между значениями была разорвана и возникли омонимы.

Этимологически слово *узел*² ‘единица скорости’ является семантической калькой по отношению к *узел*¹ ‘место связи’ (от англ. *knot*). Однако метод определения скорости с помощью верёвки и завязанных на ней узлов уже ушёл в прошлое, потому даже в английском языке, откуда шло калькирование, следует скорее говорить об омонимии.

Отсутствием реалии (и исчезновением соответствующего значения, которое выступало в роли промежуточного, объединяющего звена) обусловлена омонимия в паре *склянка*¹ ‘небольшой сосуд’ – *склянка*² ‘промежуток времени’. Отсутствующий сейчас предмет – песочные часы на корабле, которые назывались *склянками* (это значение с пометой *устар.* фиксирует, например, БТС). Ещё раз подчеркнём, что, на наш взгляд, очевидное формально-грамматическое различие между *склянкой* ‘сосудом’ и *склянками* ‘часами’ (последнее представляет собой *pluralia tantum*) не является решающим аргументом для постулирования здесь омонимии, поскольку налицо семантическая цепочка переносов, которая выглядела

следующим образом: ‘небольшой сосуд’ – ‘предмет, состоящий из таких сосудов, служащий для измерения времени’ – ‘единица времени, измеряемая таким предметом’.

С утратой реалии (время на современных судах измеряется не с помощью песочных часов) утратилась и семантическая связь, слово распалось на омонимы, и здесь, в отличие от примера со словом *перо*, рядовой носитель языка вряд ли располагает подобной энциклопедической информацией, необходимой для того, чтобы эту связь восстановить. С другой стороны, такое значение вполне может подаваться, сопровождаемое пометами типа *спец.* и *устар.* Именно так и поступает БТС (что отмечалось выше), однако в таком случае непонятным остаётся решение авторов этого словаря всё равно дать два слова-омонима *склянка*, первое из которых содержит значение ‘сосуд’, а второе – значения ‘старинные судовые песочные часы’ и ‘единица времени’ – ведь семантическая связь всех трёх этих значений в таком случае очевидна.

Между прочим отметим, что в свете приведённого факта таким же непонятным и не совсем последовательным выглядит решение составителей БТС дать в разных статьях, как омонимы (а точнее – омоформы) слова *час* ‘единица времени’ и *часы* ‘прибор’, хотя семантические отношения между ними в общем-то идентичны отношениям только что рассмотренных единиц (‘единица измерения времени’ – ‘прибор для отмеривания таких единиц’), и второе слово в этой паре также является *pluralia tantum*. Конечно, возможно усмотреть некоторую разницу между этими парами с точки зрения семантических отношений внутри них (всё-таки *склянки* – это прибор для измерения только *склянок*, а *часы*² – это прибор для измерения не только *часов*¹, но и секунд, минут), но разница эта, на наш взгляд, настолько формальна и мизерна, что должна быть признана несущественной. Этот пример (наличие разных следствий при идентичности предпосылок) лишний раз подтверждает тезис о нерешённости проблемы полисемии/омонимии в современной лексикографии.

Рассмотрев и проанализировав эти, весьма немногочисленные, примеры, мы пришли к ряду важных выводов. Самый главный из них таков: в языке имеет место не бинарная оппозиция “многозначность – омонимия”, а шкала, крайними точками которой являются полисемия и омонимия, и семантическая дивергенция, обусловленная действием экстралингвистических факторов, не обнаруживает единства с точки зрения степени

семантической разобщённости членов рядов неоднозначных единиц. Если расположить эти пары на воображаемой шкале по степени увеличения семантической разобщённости внутри них, ослабления семантических связей (то есть от полисемии к омонимии), то ряд будет выглядеть следующим образом: *перо* – *язык* – *чубук* – *двор*, *палата* – *дача*, *лавка*, *мумия*, *опока*, *роль*, *прокат*, *склянка*, *тост*, *узел*, *фараон*.

То есть, для того, чтобы оценить силу семантической связи в той или иной паре значений, недостаточно знать их этимологию, причины, по которым возникла разобщённость. Должны учитываться и другие факторы, в первую очередь – возможность возникновения иной, отличной от историко-этимологической, семантической деривационной модели (к примеру, вместо функционального сходства – внешнее сходство), а также уровень знания, “энциклопедизм” в данном вопросе среднего носителя языка.

Исходя из той установки, которой мы предваряли наши рассуждения, мы заключаем, что, во-первых, для объективного отражения тех или иных фактов с точки зрения полисемии/омонимии лексикограф должен практиковать индивидуальный подход к каждой паре значений; во-вторых, целесообразным представляется введение дополнительного, третьего, способа подачи для тех пар значений, связь внутри которых недостаточно сильна для многозначности и недостаточно слаба для омонимии (среди рассмотренных нами пар к числу таких, “промежуточных”, случаев можно отнести *двор*^{1,2}, *палата*^{1,2} и *чубук*^{1,2}).

Точка зрения, согласно которой в словаре каким-то особым образом должны отмечаться пограничные случаи, неоднократно звучала как в лексикологических [30, с. 20], так и в лексикографических исследованиях [4, с. 74, 92]. И.С. Тышлер указывает на то, что составители словаря английского языка прибегают к формулировке *conglomeration of words* применительно к значениям ‘стол’, ‘доска’, ‘департамент’, ‘пансион’, выражаемым словом *board* [14, с. 50]; В.Г. Гак отмечает, что в словаре *Le Petit Robert* “создаётся целая шкала, отражающая различные этапы функциональной транспозиции лексем” [35, с. 15].

Такой подход, при котором пограничные случаи рассматриваются и подаются в словаре как особый класс, кажется нам более правильным, однако возникает резонный вопрос: почему надо ограничиться выделением трёх классов явлений, а не большего их числа (скажем, при анализе наших примеров мы обнаружили не 3, а целых 6 степеней градации)?

При ответе на этот вопрос следует исходить из тех задач, которые должен решать толковый словарь, из требований, предъявляемых к нему. С одной стороны, он должен быть максимально удобным для неспециалиста, который им пользуется, содержать только необходимое, с другой – давать адекватное представление о реально существующих языковых фактах, которые сами по себе зачастую сложны (даже для специалиста). Думается, при выделении четырёх и более классов слов, при введении разных способов их подачи, словарь потеряет в простоте и удобстве, обременит читателя ненужной информацией, при этом задача дать представление о том, что между полисемией и омонимией есть пограничные случаи, едва ли будет решена лучше, чем при выделении трёх классов. Таким образом, распределение неоднозначных единиц по трём названным классам представляется нам тем соломоновым решением, которое позволит, с одной стороны, не усложнять сильно структуру словаря, с другой – отразить реально существующую в языке неоднородность и “недискретность” описываемого явления (неоднозначности).

Вопрос о том, как графически оформлять эти переходные случаи, является в значительной степени техническим и может быть решён составителем отдельно взятого толкового словаря индивидуально. Как вариант мы предлагаем оформление такого рода статей, в целом похожее на оформленные многозначных слов (то есть заглавное слово даётся один раз, без числовых индексов), с той, однако, разницей, что соответствующие значения подаются под римскими цифрами (в отличие от значений обычного полисеманта, которые подаются под арабскими цифрами). Если в слове наличествуют “пучки”, комплексы значений, то сами они подаются под римскими цифрами, а значения внутри этих пучков – под арабскими.

При всей теоретической важности и принципиальности выделения промежуточных случаев в особый класс, не стоит переоценивать значение этого момента для рядовых пользователей словаря, подавляющее большинство которых использует словарь с одной-единственной, предельно утилитарной целью: узнать значение того или иного слова, не задаваясь вопросом, омонимично ли оно другому, выраженному так же, или же объединено с ним в составе одного слова (велика вероятность того, что даже дифференцированная подача омонимов и многозначных слов остаётся за пределами их внимания, не говоря уже о ещё более тонком моменте – выделении промежуточного между двумя основными классами неоднозначных единиц, который мы предлагаем ввести). Однако

не стоит забывать и о той категории читателей, которая использует толковый словарь в иных, более широких целях, для которой важно найти ответ не только на вопрос “Что означает слово?”, но и “Почему? Есть ли связь? Насколько она сильна?”, а также об исследователях (прежде всего – лексикологах), для которых толковый словарь – основной источник информации. Отражённая указанным выше способом (разумеется, это должно быть особым образом оговорено в инструкции к словарю) “промежуточность” тех или иных лексических пар, с одной стороны, не обременит рядового читателя ненужной ему информацией, поскольку, с большой долей вероятности, окажется просто незамеченной, с другой – очень поможет тем, для кого этот момент действительно важен, представляет особый интерес (будь то исследователь, занимающийся лексическими проблемами, или простой пользователь словаря, интерес и внимание которого к языку “выше среднего”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка. Минск: БГУ, 2007.
2. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие для филол. спец. Университетов. М.: Высшая школа, 1982.
4. Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.
5. Тимофеев В.П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82 000 слов и фразеологических выражений / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
7. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.
8. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. № 3.
9. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. М., 1955.
10. Новиков Л.А. Омонимия имен существительных в современном русском литературном языке, возникающая в результате распада полисемии и связанная с категориями числа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.
11. Арсеньева М. Г. Многозначность и омонимия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.

12. *Новиков Л.А.* К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.
13. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
14. *Тышлер И.С.* К вопросу о судьбе омонимов // Вопросы языкознания. 1960. № 5.
15. *Галкина-Федорук Е.М.* К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе. 1954. № 3.
16. *Жученко Н.К.* Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды 2-й научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья. Куйбышев, 1961.
17. *Дубынина Н.В.* Проблема разграничения полисемии и омонимии в двуязычной лексикографии (из истории француско-русской лексикографии) // Филологические науки. 2005. № 3.
18. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
19. *Тимофеев В.П.* Исходная (словарная) форма слова в русском языке. Свердловск, 1971.
20. *Виноградов В.В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Вопросы языкознания. 1956. № 5.
21. Инструкция для составления “Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)” АН СССР. Ин-т языкознания. Словарный сектор. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1958.
22. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа “Языки русской культуры”; Издательская фирма “Восточная литература РАН”, 1995.
23. *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию / Перевод с испанского Н.Д. Арутюновой. Ред., предисл. и примеч. Г.В. Степанова. М.: Изд-во иностранная литература, 1958.
24. *Крысин Л.П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.
25. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007.
26. *Шевчик А.В.* Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.
27. *Тубалова И.В.* Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.
28. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: “Языки славянских культур”, 2006.
29. *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Вып. 1. Введение в грамматическое учение о слове: Пособие для литературно-лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1938.
30. *Якубовская М.Д.* Тенденции процесса распада семантического тождества слова (на материале русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
31. *Соколов О.М.* Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике. Нежин: Тов. “Гідромакс”, 2009.
32. *Гак В.Г.* О семантической относительности языковых единиц // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М.: 1974.
33. *Будагов Р.А.* Слово и его значение: Научно-популярный очерк. Л., 1947.
34. *Ахманова О.С.* К вопросу о словосочетании в современном английском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1950. Т. 9. Вып. 6.
35. *Гак В.Г.* Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: Сборник статей. М.: Русский язык, 1978.